

РАИСА
БЕЛОГЛАЗОВА

ВСТРЕЧА
В ПУТИ

Ворончиха

Еще до войны на месте одноэтажных, посеревших от времени домишек здесь возвели многоквартирный трехэтажный дом, нарядно окрашенный в бело-розовый цвет. Строители убрали за собой мусор, но заливать асфальтом двор не стали: предполагалось, что в нем будет разбит сквер с фонтаном посередине. Однако, пока со сквером собирались, двор с необычайной быстротой оказался застроенным дровяниками, сарайчиками и всевозможными клетушками. Жильцы дома хранили в них отслужившую рухлядь, велосипеды и мотоциклы, держали кроликов и кур.

Таким образом, трехконный, вросший в землю домишко, в котором жила Ворончиха, случайно уцелевший под боком нового дома, попросту затерялся между этими сараями и амбарушками. Ворончиха поселилась в нем в первые годы после войны. Сюда ее забросило горе — гибель на фронте мужа. Не нашла она в себе больше сил видеть улицы родного города, по которым ходила вместе с ним, вести тот же образ жизни, какой вела, когда он был жив. Замуж второй раз не вышла, хотя и была когда-то хороша собой, так и жила с тех пор одна как перст.

Горисполком выдал ей ордер на временное проживание в этом домишке. Дескать, освободится в новом комната — переселишься. Комнаты в новом доме действительно время от времени освобождались, но на них находились другие претенденты: то молодожены, то женщина с малолетним ребенком — и Ворончиха все уступала, а потом так привыкла к своим двум крошечным конуркам, где потолок можно было достать ру-

кой, пол разохся, окна перекосило, что уже и перестала справляться о комнате в новом доме. С тех же пор как под окнами у нее разросся крошечный садик, она стала даже бояться, как бы домишко не снесли, не сломали.

Ей было около шестидесяти, но выглядела она старше: высокая, костлявая, с худым, словно изможденным лицом, на котором мрачно горели большие, глубоко запавшие глаза. Пальцы ее темных жилистых рук были искривлены ревматизмом. Ворончиха давно перестала следить за собой, ходила в чем придется, лишь бы было тепло и удобно. Зимой носила мужскую шапку-ушанку и стоптанные валенки, летом с ее худых плеч спадала потерявшая цвет вязаная кофта. Под платье она надевала еще одно, чтобы было теплее, и из-под подола у нее всегда виднелся еще один подол.

Ворончихе пора было уже на пенсию, но она еще продолжала работать. Нельзя сказать, чтобы в коллективе больницы любили эту санитарку, но ей доверяли и поэтому дорожили ею. Несмотря на свой более чем скромный облик, Ворончиха обладала своеобразным характером. На собраниях ее языка даже побаивались. Эта старая, давно забывшая, чему ее учили в школе, женщина великолепно владела карандашом. Окончившие институт медички заискивали перед ней, когда подходила пора выпускать очередной номер стенгазеты. Особенно удавались Ворончихе карикатуры. Однажды в больнице сломался титан, никак не могли собраться его отремонтировать. Ворончиха изобразила себя взгромоздившейся возле титана на табуретку; она наливает в титан воду, черпая ковшом из ведра, которое держит перед ней, напряженно подняв над головой, главный врач. Даже неходячие больные просились в столовую, где был вывешен номер стенгазеты с этим рисунком. Разумеется, титан вскоре отремонтировали. Тяжелые больные не позволяли перестилать им постель в отсутствие Ворончихи, дети в ее дежурство хорошо ели и не капризничали. Новеньким сестрам всегда назначали дежурства в одну смену с Ворончихой. Весь вечер Ворончиха гоняла сестру из одной палаты в другую, она отлично знала, что требуется каждому больному, а ночью говорила: «Пойди приляг, я посижу. Ничего, я уже старая, а старики мало спят».

Жилье Ворончихи было так же малопривлекательно, как и ее внешность. В комнате стояла железная кровать с досками вместо сетки, прикрытая суконным одеялом, швейная машина, еще зингеровской марки, и шаткий стол под белой скатертью с обтрепавшимися кистями. В кухне тоже стол, кое-какая утварь на полке, в углу кадка с водой. Украшала жилье чистота: некрашеный пол был выскоблен дожелта, покосившиеся, неоштукатуренные стены тщательно выбелены.

Соседи считали Ворончиху нелюдимою. Она редко присоединялась к их обществу по вечерам, когда женщины вели на скамейках во дворе свои нескончаемые разговоры. В свободное от работы и домашних дел время Ворончиха читала. Она тратила на книги все деньги, которые оставались у нее от покупки продуктов. Хранились книги у нее в старинном сундуке возле кровати.

Теперь у Ворончихи была еще одна забота и радость — сад, где она посадила три деревца ранеток, по кусту сирени, смородины и крыжовника, разбила грядку для цветов. Своими искривленными ревматизмом руками она очистила землю от обломков кирпичей и мусора, натаскала с острова из-за реки чернозема и каждое утро и вечер, свободные от дежурства, по нескольку раз ходила с коромыслом к колонке за водой для поливки. И вот незаметно для окружающих во дворе образовался чудесный тенистый уголок, непривлекательные стены и дырявую крышу домишки скрывали кудрявые пряди хмеля. Правда, в садике кошке хвоста негде было протянуть и был использован каждый сантиметр земли. Теперь Ворончиха устраивалась с книжкой на завалинке в тени яблоньки. Она очень радовалась, когда кто-либо обращал внимание на ее сад, заходил через узкую калитку полюбоваться цветами. Но это случалось не так уж часто, соседи не то чтобы сторонились ее, чаще всего просто не замечали, дети побаивались.

Надо сказать, что к тому времени, как разросся сад Ворончихи, во дворе стало просторнее. Жильцов заставили убрать клетушки и амбары, остались лишь дровяники, а для мотоциклов был выстроен небольшой чистенький коллективный гараж. И только один сарай,

он стоял как раз возле сада Ворончихи, остался, и его хозяева, как и прежде, продолжали держать в нем кур. Сарай очень мешал растениям, до полудня загораживал от них солнце; а куры пробирались в садик через щели в заборе и ошипывали зелень, выгребали большие лунки у корней деревьев и кустов.

Из-за кур все и началось. Сарай принадлежал жильцам нового дома, по фамилии Белугины.

«Сам» Белугин заведовал каким-то автохозяйством. Это был плотный белобрысый человек лет сорока. Его жена не работала, занималась, как она объясняла, воспитанием детей. Их было у Белугиных двое: взбалмошный долговязый сын-семиклассник и двухлетняя девочка, ласковая и спокойная. Как Белугина воспитывала детей дома, было неизвестно, только мальчишка целыми днями околачивался во дворе, грубил старухам, которые делали ему замечания, девочка играла в песочнице с другими малышами, а их мать можно было встретить то в одной, то в другой квартире у соседей. Возможно, Белугина не любила следить за своей внешностью, а возможно, ей, наоборот, хотелось покрасоваться, но с утра до вечера она ходила почему-то в халате. Правда, халаты у нее были красивые, длинные, из дорогой нарядной ткани. В них ее дородная фигура казалась еще величественнее, и соседи называли Белугину между собой не иначе как мадам Белугина. Это так шло ей, что из окружающих редко кто знал ее имя, так же, как никому не приходило в голову назвать по имени Ворончиху.

Возвратясь однажды с ночного дежурства, Ворончиха обнаружила в саду кур. Они выцарапали лапами глубокие ямы под яблоньками, на которых вот-вот должны были распуститься белые бутоны, и блаженно купались в песке. Ворончиха выгнала кур и сказала Белугиной, как раз появившейся из сарая с эмалированной миской в руках; на дне миски розовато отсвечивали несколько только что снесенных яиц:

— Вы бы присматривали за курами, соседка. Вот скоро я цветочную рассаду высажу, все поклюют.

— Не могу же я их пасти,— возразила Белугина и прошествовала по двору к подъезду. У нее были пышные, не нуждающиеся ни в какой завивке темные волосы. Голову Белугина держала высоко вскинув, а

глаза — опущенными вниз, эта осанка придавала ее внешности что-то надменное.

Старая женщина посмотрела Белугиной вслед и принялась осматривать ветхий заборчик, отделявший сад от двора. Все большие щели забила кольями, землю возле забора плотно утрамбовала.

Несколько дней прошло спокойно.

Ясным солнечным утром Ворончиха надела свое лучшее платье из синего штапеля в белое колечко, повязалась кашемировым платком и отправилась на базар за рассадой. Вернулась с просветлевшим лицом, бережно неся корзину с рассадой анютиных глазок, левкоев, табачка и астр. Гладиолус она купила только один, больше не хватило денег, зато он будет совершенно белого цвета, как уверяла ее торговка. Высаживая рассадку в грунт, Ворончиха сначала тщательно разминала землю в пальцах, расправляла каждый корешок, любовно оглядывала крошечные растеньица.

— Эх-хе-хе! — осуждающе покачала головой одна из женщин, понаблюдав, как она ползает на коленях по земле. — Недаром говорят, что малый, то и старый. Ты бы лучше грядку огурцов тут посадила, редиски. Все польза, да и приятно свеженького съесть.

— Живот чем попало можно набить, — отозвалась Ворончиха, — а душа, она красоты просит.

Ворончиха полила рассадку и отправилась в больницу, ей опять предстояло дежурить в ночь.

...Включив утром чайник, чтобы накормить перед уходом на работу мужа, Белугина спешила в сарай и выпускала кур. Ей все казалось, что яиц в гнездах она находит гораздо меньше, чем должно быть. Кто может поручиться за всех, проживающих в доме? А кур манила зелень Ворончихино сада. Уже несколько дней они тщетно прохаживались возле забора, заглядывали в щели. На этот раз одна курица, с громким кудахтаньем выскочив из сарая, взлетела на поленницу дров. Оглядевшись, она живо перемахнула через забор в сад. Скоро ее примеру последовали другие.

Ворончиха сдала дежурство в девятом часу, зашла по дороге в магазин купить хлеба и молока. Когда она добралась домой и, прежде чем отпереть дверь своей хибарки, заглянула в сад, грядка высаженных ею цветов была разорена дотла. Уцелели только два кустика

анютиных глазок, они уже набирали цвет, отброшенные вместе с комом земли сильными куриными лапами в сторону. Ворончиха подобрала их и посадила на место. Потом смела с грядки зеленые клочки, оставшиеся от рассады, перекопала землю и, вместо того чтобы прилечь после ночного дежурства отдохнуть, снова отправилась на базар. Она отчаянно торговалась за каждый корешок и опять вернулась домой почти с полной корзиной, правда, на этот раз цветы у нее были победнее: васильки, ноготки, ромашка.

Под вечер, когда закатилось солнце и спала жара, Ворончиха высадила рассаду, прикрыла растения на ночь старыми кастрюлями, ведрами и банками и, постояв возле калитки, направилась к Белугиным. В прихожей квартиры никого не было. Ворончиха оглядела трюмо и всевозможные щетки на полочке под ним, вешалку, на которой висел мужской плащ и красный детский капюшончик, и спросила своим низким голосом:

— Хозяева дома?

Из комнаты в полосатой пижаме с газетой в руках вышел Белугин. Он, видимо, не узнал ее, не поздоровался, спросил строго:

— В чем дело? А, опять по поводу курей? Жена говорила,— Белугин нетерпеливо прошелестел газетой.

— В свободное от работы время я сама буду за ними приглядывать,— сказала Ворончиха.— Я про то, когда дежурю.

— Ладно, ладно,— поморщился Белугин и уже скрылся было в комнате, но вернулся, оценивающе оглядел коричневые, напоминающие корни дерева, все в узлах и жилах, руки Ворончихи.— Вот что... у нас тут побелка намечается, чтобы потом, пока лето, покрасить все. Так вот... надо бы потом помочь жене помыть,— Белугин строил фразы так, чтобы избежать какого-либо обращения к собеседнице. Сказать «вы» ему казалось унижительным для себя, а на «ты» старуха еще, пожалуй, обидится. Жена же ему все уши прожужжала, что не намерена проворачивать грязь одна.

Ворончиха усмехнулась, она и в самом деле повернулась бы и ушла. Нет, она не собиралась нигде прирабатывать. И не потому, что гнушалась работы, с каждым разом она возвращалась с дежурства из боль-

ницы все более утомленной. Но... Ворончиха подумала о крошечных слабеньких растеньицах, о безжалостных когтистых куриных лапах и в нерешительности затянула потуже кончики головного платка, повязанного под подбородком.

Белугин понял ее молчание по-своему, добавил:

— Конечно, за вознаграждение.

— Пусть жена ваша тогда пошлет мальчишку, когда прийти,— сказала Ворончиха и вышла, не дожидаясь ответа.

...Белугины занимали на втором этаже три комнаты с кухней, ванной и балконом. Ворончиха мыла, скребла, терла и удивлялась про себя, как это семья в четыре человека может так запустить просторную, светлую квартиру. Такое впечатление, что до побелки ни пол, ни крашенные панели никогда не мылись. Краска потеряла свой цвет, потускнела, а в ящиках буфета, гардероба и шкафов накопилось столько разного хлама, что нужные вещи уже не вмещались. Ворончиха никак не выражала своего удивления, она считала, что каждый устраивает себе жилье по собственному вкусу и в этом ему никто не может ничего указывать. Если людям так нравится, пусть! Вот она, Ворончиха, например, сделала бы иначе.

Хозяйку же квартиры удивляло, что старуха не выражает никаких чувств при виде телевизора, рижской мебели и другого добра, которого у Белугиных имелось с избытком. «И то, чего с нее спрашивать,— снисходительно подумала мадам,— она не знает, с какой стороны к этим вещам и подступиться, где уж ей знать им цену!»

Маляры побелили все три комнаты и ушли. Ворончиха вымыла пол, окна и двери в одной комнате и собралась приняться за другую. Проходя с ведром по коридору, тесно заставленному мебелью, она нечаянно столкнула локтем с этажерки вазу для цветов из обожженного гипса. Ваза была дешевенькая, не дороже рубля. И все же Ворончиха огорчилась. Поставила ведро, принялась собирать черепки. На шум из кухни выглянул Белугин. На этот раз он был в светлом летнем костюме, только что пришел с работы.

— Что такое? Вазу расколотила? Где у тебя глаза-то были?

Ворончиха выпрямилась, глубоко впавшие глаза ее сверкнули.

— Как? Как ты сказал? Да я заплачу, сколько это стоит. Только... как ты сказал? Ты мне в сыновья годишься.

— Ну вот, подумайте,— криво усмехнулся Белугин,— нужны кому-то твои гроши! Смотреть, говорю, надо.

Его голос прозвучал уже примирительно. Однако разговаривать с Ворончихой было не так-то просто. Она отставила приготовленное для мытья ведро с водой в сторону, положила возле него тряпку и вытерла о передник руки. Смахивая локтем со лба выбившуюся из-под платка седую прядь, проговорила:

— Что там мне причитается за комнату, которую вымыла, пусть пойдет за вазу. Она большего и не стоит. А остальное домывайте сами.

На лестнице ее догнала взволнованная Белугина. Она была в дальней комнате и не сразу поняла, что произошло.

— Послушайте, Михайловна, ну вы же знаете, он ужасный грубиян. Он и на меня кричит.

— Позволяешь, вот и кричит,— спокойно отозвалась Ворончиха, продолжая спускаться по лестнице.— А на меня ему чего кричать? За то, что согласилась помыть? Так за это умные люди благодарят.

Эта история еще больше обострила отношения Ворончихи и владельцев сарая-курытника. Правда, Белугина, выпустив кур, теперь заставляла сына сторожить их, не позволять им взлетать на поленницу, иногда с оскорбленным видом присматривала за курами сама. Это было ей даже больше по душе. Таким образом у нее появились основания чем-то объяснять мужу свое ничегонеделание, а поболтать с женщинами во дворе она любила и раньше. У нее имелась теперь и тема для разговоров. Старая Ворончиха и не догадывалась, сколько внимания уделяет ей теперь семья Белугиных. По словам мадам выходило, что Ворончиха лентяйка и пропойца, что живет она одна потому, что не может ужиться с родными. Сын Белугиных забрасывал в сад Ворончихи дохлых кошек, пробил дыру в бочке, в которую старая женщина собирала дождевую воду, стучал поздно вечером по ставням домишки палкой.

И только самая младшая из Белугиных, двухлетняя Луиза, не принимала участия в развернувшихся событиях. Но скоро и она была вовлечена в действие.

Однажды, напрасно прождав весь день дождя, Ворончиха занялась поливкой. Отлучившись за водой к колонке, она, видимо, неплотно прикрыла калитку в садик. Возвращаясь с полными ведрами, распахнула ее и остолбенела: на узкой тропинке перед грядкой с цветами сидела на корточках крошечная девчушка в нарядном платьице с белым бантом на белокурой головке. Пухлые ручонки ребенка были крепко стиснуты. Это была дочь Белугиных. Увидев Ворончиху, девочка боязливо поднялась, все еще не отрывая взгляда от только что распустившегося, желтого с фиолетовым, цветка анютиных глазок. Потом, видя, что женщина не собирается ее бранить, девочка разжала ручонки и показала пальцем на грядку:

— Светы...

Это означало: цветы.

И снова уселась на корточки, вытягивая шейку, чтобы разглядеть яркие лепестки.

— Расцвел, деточка, расцвел,— отозвалась Ворончиха, тронутая восхищением ребенка, которое было так понятно ей.

С этого вечера девочка безбоязненно стала заходить в Ворончихин сад. Она ничего не рвала и не топтала, садилась возле грядки и разглядывала цветы, иногда играла тут же принесенной с собой игрушкой. Но это продолжалось недолго. Увидев ребенка в саду, Белугина вошла в калитку, взяла дочь за руку и молча вывела во двор. Девочка плакала, топала ножками, рвалась обратно.

— Пусть бы ребенок посидел, посмотрел на цветочки,— проговорила через забор Ворончиха. У нее от жалости стиснуло сердце.— Что тут плохого? Разве ребенка кто обидит?

— Нечего сманивать,— не оборачиваясь, бросила вслед Белугина и шлепнула дочь.— Чтобы и близко больше не смела подходить.

И все-таки изредка, когда становилось известно, что мадам отправилась по магазинам, Ворончиха впускала девочку в сад. Почти каждый день у нее появлялось что-нибудь новое — расцвел вьюнок, почернели яго-

ды на ветках смородины, еще какая-либо мелочь, способная одинаково порадовать одинокую старуху и ребенка.

Ворончихе не нравилось мудреное имя девочки, она называла Луизу по-своему — Зоренька, и это больше шло к белокурой голубоглазой толстушке. Ворончихе очень хотелось подержать девочку на руках, потискать ее литое тельце — она не смела. С затаенной нежностью разглядывала будто перевязанные ниточкой ручки, белую шейку, тонкие золотистые волосы. И девочка отвечала ей тем же, охотно лепетала с нею, ела твердые медовые пряники, которыми ее угощала Ворончиха. Старая женщина теперь никогда не съедала гостинцы, которыми ее угощали больные, а приберегала их для девочки, хотя и знала, что в доме Белугиных нет разве что птичьего молока.

Так проходило лето. Жаркие грозовые дни июля сменил август. На грядке в Ворончихином саду распустились уже все цветы, поспевал крыжовник, наливались ягоды смородины, порозовели яблочки ранетки. Всего плодов и ягод в саду едва ли набралось бы с десятка килограммов, дело было не в этом. Вся эта зелень была выращена ее руками, а главное, так радовала глаза среди пыльного пустого двора, заборов, крыш и стен. По вечерам, когда стихал шум улиц и даже заговорившиеся во дворе женщины расходились по квартирам, Ворончиха долго сидела на завалинке, укрывшись от луны в тени яблоньки. Она отдавала себе отчет в том, что силы уходят, что через месяц-другой ей придется оставить работу, которая вносила в ее жизнь столько нового, придавала смысл ее одинокому существованию. Но мысль о пенсии уже не пугала старую женщину. Ведь у нее теперь есть сад. Зимой, конечно, в нем делать нечего, но она запишется в библиотеку, у нее будет вдоволь книг. А в марте уже вполне можно заняться выращиванием рассады. Теперь она возьмется за это сама. Закажет больничному сторожу ящики, землю приготовит с осени... Господи, да она вырастила бы рассады на весь этот двор! Вот где она развернулась бы!.. И Ворончиха принималась прикидывать, как и чем она засадила бы двор, какие разбила бы клумбы. Конечно, одной ей не управиться с таким хозяйством, но люди-то, жильцы, неужели они

останутся равнодушными к такой красоте, у них не появится желание взяться за ведро, за лопату?

Эти мысли согревали Ворончиху, и она уходила спать успокоенная, послушав у калитки, не шелохнется ли какой листок? В лунном сумраке белели звезды табачка, издавая густой, пряный аромат, было тихо, покойно вокруг. Город спал.

Может быть, и осуществила бы Ворончиха свою мечту — превратила бы двор в цветник, но случилось иначе. Однако до этого ей пришлось пережить еще одну неприятность.

Как-то утром Белугина обнаружила на гнезде одну из куриц подошедшей и тотчас решила: тут не обошлось без Ворончихи. Известно, как она ненавидит куриц, ударила чем-нибудь, зашибла. «Да она и колдовка, — со всей серьезностью уверяла соседок мадам, — посмотрите, как Луизку приворожила. Девчонка души в ней не чает. Где это видано, чтобы чужая женщина становилась ребенку дороже родной матери? Нет-нет, тут дело нечисто!»

Но предъявить Ворончихе претензию по поводу сдохшей курицы все же было трудно. Конкретных доказательств ее вины не было. Вернулся с работы Белугин, и жена поведала ему о постигшей их неприятности. Поделилась и своими соображениями.

— Она за это поплатится, старая ведьма, — решил Белугин и посоветовал жене: — А ты помалкивай. Я ей покажу, как зариться на чужую собственность. Кошка знает, чье мясо съела.

Утром Ворончиха вошла в сад открыть ставни, и ноги подкосились под ней: на яблоньках были обломаны самые лучшие ветки, крыжовник и смородину, видимо, топтали ногами, грядка с цветами вся разворочена. Еще не в силах ничего понять, Ворончиха дрожащими руками подобрала одну из обломанных веток и принялась приставлять ее к стволу, на то место, где на нем еще сочилась рана, словно ветка могла прирасти. Потом выпустила ветку из рук и осмотрелась: солнце еще не поднялось из-за домов, по высокому небу плыли перистые облака, окна в доме задернуты шторами — тихо и спокойно, никаких следов бури и грозы.

Ворончиха опустила на землю тут же, возле порушенной грядки. Молча сотрясались худые плечи под

выцветшей кофтой, темные искривленные пальцы машинально шарили по земле, находили комочки и крошили их. Проснулись жильцы в квартирах дома, проходили мимо сада, никто не обращал внимания на Ворончиху, привыкли, что она вечно роется в земле.

Ворончиха плакала до тех пор, пока ожесточение не придало ей сил. Тогда она поднялась и, не запирая за собой калитки, отправилась в ближайшее отделение милиции. Там ее выслушали и попросили изложить указанное на бумаге. Кое-как справившись с этим, Ворончиха вернулась домой и слегла. У нее болели голова, руки, ноги, спина. Она лежала сутки, вторые... Обеспокоенные тем, что она не вышла на дежурство, из больницы прислали медсестру. Ворончиха попросила девушку запасти ей молока, хлеба, воды. Она лежала и ждала сотрудника милиции, который должен был прийти и составить акт на порушенный сад. Так ей сказали в милиции.

Когда официально-строгий голос вызвал по телефону Белугина — ему позвонили на работу — и предложил явиться в четыре часа в милицию, на лбу у Белугина выступила испарина. Он предпочитал не иметь с милицией никаких дел. Но ...вызывают, следовательно, нужно явиться. Белугин поспешил домой и о чем-то долго совещался с супругой.

...Ворончиха терпеливо ждала несколько дней, неделю; сотрудник милиции все не приходил. Поднявшись с постели, старуха прежде всего отправилась в сад. В нем поредело, яблоньки стояли словно человеческие фигуры без рук, всюду валялись закатавшиеся в пыли ягоды, но притоптанные ветки кустов выпрямились, а на грядке, на смятой зелени, распустились новые бутоны. Когда сотрудник милиции наконец-то явился к месту происшествия, у Ворончихи уже не было никакого желания ни разговаривать с ним, ни показывать сад.

На этом все не кончилось. Белугин сумел избежать наказания, но в милиции его предупредили, что сарай все-таки придется убрать, а кур порубить или продать, это уж как ему будет угодно. Ничего подобного Белугин предпринимать не собирался. Он был уверен, что ему и впредь все сойдет с рук, но Ворончиху с этого

дня он возненавидел со всей лютостью невежественного человека. Какая-то безвестная, можно сказать, нищая старуха смеет что-то указывать ему, Белугину! Он, вероятно, попортил бы Ворончихе немало крови. События опередили его.

Август в этом году выдался засушливым. Несколько дней над городом ходили тучи, но дождь так и не собрался. Ворончиха посмотрела, посмотрела на небо и взялась за ведра. Израненные яблоньки было жаль еще больше.

Очевидцы потом рассказывали: девочка в красном платьице с бантиком в белокурых волосах, прижимая к груди куклу, спокойно переходила улицу. Оказывается, мать Луизы отправилась с дочерью навестить приятельницу в доме через дорогу. Заскучав в обществе взрослых, девочка раскапризничалась и стала требовать у матери свою куклу. Белугиной не хотелось прерывать беседу, она отправила дочь домой за куклой одну. Ведь всего лишь перейти улицу. И вот Луиза, взяв свою любимицу, возвращалась обратно. Шофер вывернувшейся из-за угла машины заметил девочку уже поздно. Неожиданно рядом оказалась Ворончиха. Смахнув с плеч коромысло и выпустив из рук пустые ведра, женщина бросилась наперерез машине и с силой толкнула девочку в спину, а сама оказалась под колесами грузовика.

Когда на месте происшествия собрались жильцы дома, Ворончиха все еще лежала там, куда ее отбросило автомашиной, раскинув руки, глядя в небо широко раскрытыми, невидящими глазами. На ней была все та же выцветшая кофта и белый, в черную крапинку, платочек. Белугина держала всхлипывающую девочку на руках и прикладывала к ее лицу смоченный водой бант. Падая, Луиза расшибла губы. Возле застывшего посреди улицы грузовика стоял бледный, перепуганный шофер. Он давал показания работникам автоинспекции. В стороне ждала конца этой процедуры врач «скорой помощи», чтобы увезти Ворончиху в морг. В медицинской помощи старая женщина уже не нуждалась. Белугин в сбившемся набок галстукe, в шляпе, которую он не догадался снять, стоял возле жены и переводил взгляд с лица дочери на Ворончиху, потом снова на дочь.

— Кто скажет, как имя, отчество и фамилия пострадавшей? — обратился к толпе работник автоинспекции, кивком головы давая понять шоферу, что разговор с ним закончен.

Белугин заволновался, шагнул было вперед. Его отстранила рукой старуха с клетчатой шалью на плечах.

— Воронкова ее фамилия, — сказала старуха. — Воронкова Татьяна Михайловна.

«Татьяна Михайловна, — повторил про себя Белугин. — Это Ворончиха-то Татьяна Михайловна? Татьяна, Таня. Да, когда-то кто-то называл ее и так».

Его тронули за плечо. Белугин обернулся и встретил растерянный взгляд жены.

— Лучше все-таки продать их, — неуверенно проговорила она.

Жена имела в виду кур, и Белугин понял, что она боится, как бы их не привлекли теперь к ответственности. Успокаивающе сжал ей локоть. Он не испытывал страха перед этими, живыми, людьми. Был уверен, что всегда сумеет склонить их на свою сторону. Что-то неведомое ему до сих пор вновь приковывало его взгляд к Ворончихе. Уже заострившиеся черты и без того худого лица женщины были строги и спокойны.

Улицы пересекли длинные тени. Вечерело.

Выздоровление

БУРЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
БИБЛИОТЕКА

1

Вначале Шелепин решил: ему стало плохо оттого, что в кабинете накурено, только что закончилось оперативное совещание. Встал из-за стола, чтобы пройти к окну, в которое било июньское солнце, глотнуть свежего воздуха, и вдруг обнаружил, что боится идти. Казалось, опустишь ногу — и вместо пружинистого ворса ковра она ощутит пустоту. Сердце сжалось, как бывает, когда стоишь на большой высоте, грудь стиснуло, сдавило что-то. Грузно опустился в кресло и нажал кнопку под табличкой «секретарь».

Антонина Дмитриевна появилась в дверях, как всегда сдержанная, в белой кофточке и светло-серой юбке. И строгий костюм секретарши, и ее лицо с выразительным взглядом светлых глаз не нравились Шелепину. «Неглупая,— думал он при виде этого лица,— а пошла в секретарши. Значит, слабая и неудачливая». Он не любил слабых и неудачливых. Сам он умел преодолевать препятствия, ставить перед собой цели и добиваться их. Он все собирался перевести секретаршу в один из отделов. Пусть на ее месте сидит легкомысленная девчонка-хохотушка, обвешанная дешевыми серьгами и бусами. Она будет не так старательно относиться к своим обязанностям, зато ее можно будет не замечать. При Антонине же Дмитриевне иногда почему-то становилось неловко. Не дал себе труда задуматься — почему?

На этот раз ему в глаза бросилась штопка на блузке секретарши: возле воротничка шелк побился от частой стирки. Антонина Дмитриевна заметила его

взгляд и покраснела, проговорила с необычной поспешностью:

— Я вас слушаю, Анатолий Николаевич.

А он подумал, отводя взгляд от смущенного лица секретарши, что черты лица у нее неплохие, тонкие, только слишком уж бледна, под глазами круги.

— Если спросят, я буду дома.

К машине и потом по лестнице в квартиру он заставил себя пройти обычным уверенным шагом, но руки в карманах легкого светлого пальто сжались от усилия в кулаки, и на лбу проступил пот.

Он не знал, что жена спит так долго. В это время — одиннадцать часов дня — его обычно не бывало дома. Ольга вышла в прихожую на шум его шагов в халате и непричесанная. Объяснил, что нездоровится, приляжет до трех.

Когда жена вошла к нему в спальню, он сидел на кровати и ловил побелевшими губами воздух. Снять пиджак он не успел.

Участковый врач, немолодая, миловидная женщина, прежде всего сделала ему укол и заставила положить под язык таблетку. Потом ловко раздела его, словно он был не сорокадвухлетним, начинающим грузнуть мужчиной, а ребенком, устроила ему высокое изголовье и сказала, четко выговаривая слова:

— Вставать нельзя. Не делать резких движений. И все обойдется. Человек вы еще не старый.

Ольга стояла возле кровати, в ногах. Она так и не успела привести себя в порядок и теперь, в нарядном халате, который делал ее фигуру еще выше, еще стройнее, с небрежно заколотыми на затылке пышными волосами, она показалась Шелепину особенно цветущей. В ее зеленоватых, немного выпуклых глазах застыло выражение растерянности.

Врач велела положить к ногам грелку и принялась укладывать в саквояж шприц и аппарат для измерения кровяного давления. Она спешила к другим больным. Шелепин не хотел, чтобы врач уходила. Было страшно остаться наедине (о присутствии жены он почему-то не подумал) с этим противным ощущением пустоты под ногами, от которого замирало сердце. Врач, видимо, догадалась о его состоянии, положила на подушку маленькую, с шершавой от частого мытья кожей руку.

— Вы будете лежать спокойно и терпеливо. А я навещу сейчас остальных и опять заеду к вам.

Шелепин поверил ей. И когда врач направилась к двери, закрыл глаза. Побоялся встретить взгляд жены, увидеть в нем выражение растерянности.

2

Он не мог бы встать, если бы даже и хотел. Боль была приступообразная, стискивала грудь, отдавала в левое плечо, в затылок. От нее холодели руки и ноги, выступал холодный пот. А когда боль проходила, тело сковывала невероятная слабость. Он даже и представить не мог, что может быть такая слабость. Раньше он попросту не замечал своих движений, теперь малейший жест требовал усилий, от которых начинало частить, захлебываться сердце. В этом было что-то нелепое. Он, еще не старый мужчина, директор завода, руководитель многотысячного коллектива, лежит, распятый на постели какой-то дурацкой слабостью. Он не мог с этим примириться, ни разу в жизни не был в таком жалком положении. Может быть, это вообще уже никогда не кончится?

Шелепин не помнил, чтобы когда-нибудь серьезно болел. У него вообще не было оснований жаловаться на жизнь. Родители — отец токарь и мать телефонистка — вырастили его требовательным к себе, трудолюбивым. Он заканчивал третий курс Политехнического института, когда началась война. Вместе с группой товарищей он отправился в военкомат и попросился на фронт. Им сказали в военкомате: «Продолжайте учебу. Потом будет видно». Он перевелся на заочное отделение и поступил работать на завод. На последнем курсе института женился на студентке-химичке из университета, милой и скромной киевлянке.

Работал начальником цеха, заведовал конструкторским бюро, был главным технологом. А потом его направили сюда, в Сибирь, директором завода, выросшего на окраине города, на месте глухо шумевшей тайги. В поселке до сих пор сохранились рощицы стройных сосен с тонкой, шелковистой корой на стволах. Шелепину было тогда тридцать шесть лет. «Не справлюсь», — высказал он откровенно свое сомнение. «А ты попы-

тайся,—ответили ему. И добавили, как тогда, в военкомате: — Видно будет».

Он старался. Ему пришлось по душе и завод, еще только вступающее в строй, оснащенное современным оборудованием предприятие, и рабочие-сибиряки, и зовущие дали сопок. Случилось так, что во время его отъезда у жены заболела мать. Он уехал один и, неожиданно для себя, завел здесь вторую семью. Вот именно, неожиданно. Он не собирался разводиться с женой, у него вообще не было привычки заглядывать на женщин.

Ольга работала чертежницей в отделе главного технолога, но часто появлялась у него, Шелепина, в кабинете — то передать документы, то еще с каким-нибудь поручением. Мельком он отметил в ее внешности что-то стандартное: то ли прическу, то ли улыбку, однако ему понравилась осведомленность молодой чертежницы в заводских делах. Ольга была толкова и исполнительна и в нужную минуту всегда оказывалась под рукой.

Однажды он вошел в приемную поздно вечером. Никого уже не было, лишь Ольга, сидя за столом секретарши, читала «Огонек». Короткая юбка открывала колени длинных стройных ног. Он прошел к себе, сел в кресло у стола, но не работалось. Был на исходе третий месяц его холостяцкой жизни в пустой, необжитой квартире. Теща все еще была тяжело больна, ее нельзя было ни перевезти, ни оставить одну. Рассеянно перебрал бумаги, нажал кнопку. Когда Ольга появилась в дверях, пошел ей навстречу... Спустя месяц после того, как он помог ей поступить в педагогический институт, Ольга переехала к нему. Узнав об этом, жена сообщила ему, что считает себя свободной. Первые месяцы на душе было смутно, потом прошло. Работа поглощала все время и все силы. Завод осваивал выпуск продукции с трудом. Не ладилось то одно, то другое, постоянно чего-нибудь не хватало. Сказывалась удаленность от промышленных центров. Шелепин не мог бы припомнить, сколько раз он ожидал, что его снимут. Его критиковали и отчитывали, вписывали ему выговоры, но ...не снимали.

Из всех своих многочисленных обязанностей директора он отдавал предпочтение организации производ-

ственного процесса. Он любил просторные цехи с рядами масляно поблескивающих станков, запах нагретого металла, груды только что изготовленных деталей. Ему нравилось, проходя по цеху, взять в руки такую деталь, еще не остывшую от обработки, с блестящей, чистой резьбой, ощутить ее тяжесть. И там, где нужно было применить знания инженера, он был и находчивым, и дерзким, и дальновидным. В таких случаях он готов был неделями не выходить с завода. На разрешение производственных проблем он стягивал все силы коллектива, использовал все ресурсы. Остальные же дела своего большого хозяйства — жилищное строительство и многие другие — охотно доверял тем, кто непосредственно отвечал за них.

Завод обрастал новыми цехами. Шелепин почти физически ощущал, как набирает силы, крепнет организм завода, и в последнее время испытывал особый душевный подъем, словно эти силы вливались и в него. Он уже заглядывал в завтра, видел будущее своего предприятия, когда все процессы и операции на нем будут протекать спокойно и слаженно, в нетерпении спешил приблизить этот час. И вот заболел.

— Сердце подкачало, — сказала врач и добавила с нескрываемой досадой: — Разве можно так варварски относиться к своему здоровью? Вы там, у себя на заводе, и к механизмам так относитесь? Нет? Я и то думаю... А теперь извольте полежать. Ничего, выкарабкаетесь. И проживете еще столько же. Если будете впредь побережливее.

Он как-то сразу доверился этой скромной и усталой женщине. Первое время она появлялась возле него несколько раз в день, привозила с собой других врачей и озабоченно выслушивала их мнение. Потом стала приезжать одна, обычно под вечер, и каждый раз после разговора с нею ему становилось спокойнее.

Никогда в жизни у него не было столько свободного времени. Вначале он много спал, только сон был уже не таким, как прежде, когда его не беспокоили никакие сновидения и он вставал бодрым, словно отдыхал целую неделю. Теперь во сне он то прыгал с парашютом, то укладывался спать на краю крыши многоэтажного здания, и от высоты у него захватывало дух. Просыпался весь в поту с бешено колотящимся сердцем.

Газеты врач советовала ему пока не читать, радио не слушать, настояла, чтобы телефон перенесли из спальни в прихожую, и запретила пропускать к нему кого-либо с завода. Он оказался отрезанным от всего, что окружало его до сих пор. Первое время он этого не замечал, но как только стало полегче, остро почувствовал необычность своего положения, снова мысленно вернулся к повседневным делам и заботам. Очень хотелось хотя бы позвонить на завод, узнать — как там? Правда, особой тревоги он не испытывал, случалось и раньше отлучаться в командировки, в отпуск. Он не глушил инициативы своих подчиненных и теперь был уверен, что сумеют справиться и без него. Знал, что вспоминают его, интересуются состоянием его здоровья.

Лежа целыми днями без дела, он невольно прислушивался к тому, что происходило в квартире, приглядывался к жизни своей семьи. Обычно, поглощенный работой, он не очень-то вникал в эту жизнь. Теперь он как бы заново узнавал своих близких, жену и дочь — тихую пятилетнюю девочку. И дело тут было не только в том, что лишь в эти дни он по-настоящему понял, что значит для человека семья, близкие. Неожиданно для себя он сделал много открытий, и далеко не все они были приятны.

3

Вскоре после того как он заболел, жена решила переменить на его постели белье. Он не возразил, ему и в голову не пришло, что такая мелочь, которую он раньше попросту и не заметил бы, как люди не замечают своего дыхания, потребует от него такого напряжения душевных и физических сил.

Развернув белоснежную хрустящую простыню, Ольга стояла перед ним, а он не мог даже сдвинуться с места. Дрожащими руками снова натянул на себя покрывало.

— Надо переменить, — повторила жена, — вот тут глюкозой облили.

Он пробормотал что-то, избегая ее взгляда, и вдруг обнаружил, что стесняется перед этой женщиной своей наготы и беспомощности.

— Ну вот,— сказала Ольга, и он, обладая чуткостью, свойственной страдающим людям, почувствовал, что она не испытывает в эту минуту ничего, кроме досады на него. Ни душевной боли, ни жалости даже, только досаду. За то, что она должна заниматься всеми этими делами, из которых состоит уход за больным, да еще уговаривать.

Он молча сбросил с себя одеяло и позволил сделать все, что было нужно. Жена ушла, захватив снятое белье, а он долго лежал неподвижно, с устремленным в одну точку взглядом.

За все годы, прожитые с этой женщиной, он ни разу не задумался о своих отношениях с ней. Теперь подумал, что знал Ольгу такой, какой ее знали все,— цветущей, со вкусом одетой, с манерами человека, помнящего о своем достоинстве. Такой он встречал ее, возвращаясь с работы, такой она бывала с ним в театре, в гостях. Ему было известно, что в коллективе школы, где Ольга преподавала русский язык и литературу, с ней считаются, что несколько мужчин в городе влюблены в нее. Это льстило его самолюбию. Он считал ее самым близким человеком. Да и как же иначе? Она его жена. Теперь он пытался припомнить лучшее, что было между ними, и не мог. Все было так обыденно.

Может быть, все дело в том, что он старше ее на шестнадцать лет? Шелепин пошарил рукой по тумбочке и взял в руки маленькое круглое зеркальце от дамской сумки. Придирчиво разглядывал себя несколько минут. Было непривычно видеть лицо небритым. Оно осунулось и пожелтело, глаза ввалились, и густые брови нависли над ними, углы большого, твердо очерченного рта опустились. В темной шевелюре еще ни одного седого волоса. Раньше ему никогда не давали его годы. Теперь, пожалуй, можно дать. Но и только.

Шелепин усмехнулся своему отражению и положил зеркальце на место. Однако вот так же точно отложить в сторону и мысли было трудно. Он никогда бы не поверил раньше, что сможет думать об этом так долго. Словно заневестившаяся девчонка о знакомом парне.

Ольга — хорошая хозяйка, его костюмы и сорочки всегда в безукоризненном порядке, в квартире безупречная чистота и уют. Что ж, и ему было неплохо с ней! Почему же стало хуже теперь? Она ухаживает за

ним заботливо и умело. Говорят, когда человек заболевает, он становится капризным и мнительным. Наверное, то же самое происходит и с ним, Шелепиным.

Он почувствовал облегчение, найдя это объяснение.

Однажды днем он задремал. Разбудил мужской голос, доносившийся в полуоткрытую дверь из столовой.

— А мама где? — старательно понижая густой баритон, спрашивал мужчина, обращаясь, видимо, к Маришке.

— Мама ушла в магазин. Знаете, на углу возле аптеки, — как взрослая объяснила девочка. — Там дают чешское стекло. Маме тетя Маргарита сказала.

— Чешское стекло? Вот как! — отозвался мужчина и спросил снова: — Ну, а как папка-то, птичка? Поправляется? Нет еще? Все спит, говоришь? Это хорошо. А ты не шуми тут, договорились?.. Ну, я пошел, бяляночка. Занятые ты штучки вырезаешь.

Послышались осторожные шаги, но они не удалялись, а наоборот, приблизились к дверям спальни. Шелепин разомкнул веки и увидел в дверях парторга завода Виктора Ломтева. Не решаясь войти, Ломтев с порога пытался разглядеть в полузатемненной комнате больного. Встретились взглядами.

— Извини, Анатолий Николаевич. Думаю, хоть взглянуть на тебя, — сдержанно сказал Ломтев, все еще стоя в дверях.

«Почему мы считали, что он щеголь и мальчишка? — спросил себя Шелепин, вглядываясь в лицо парторга. — Ломтев действительно хорош собой. И рослый, такой легкий в движениях». Проговорил:

— Проходи. Я рад.

Ломтев приблизился к кровати, опустил руки по швам, отчего его крупная, подтянутая фигура приобрела еще более внушительный вид.

— На заводе все в порядке, Анатолий Николаевич. Поточную в шестом пустили двадцатого. Особых осложнений не было.

Шелепин невольно натянул на себя одеяло, прикрыв распахнутую на груди нижнюю рубашку.

А Ломтев присел на стул возле кровати, его темные, с юношеским блеском глаза смотрели директору в лицо тепло и участливо.

— Ну, как ты тут? Очень худо?

Они не успели перекинуться и десятью фразами, как в прихожей зазвонил телефон. Ломтев поднялся.

— К тебе ведь не разрешают пока. Я нелегальным путем... Поправляйся. Если что надо, Ольга Владимировна пусть скажет.

Он скрылся за дверями, Шелепин подумал даже, не приснился ли ему этот разговор с парторгом? Но нет, в воздухе еще держался запах дорогих папирос. Ломтев любит хорошие папиросы. Шелепин все же позвал дочь и спросил у нее про посетителя.

— Этот дяденька все время к нам ходит,— объяснила девочка.— Только доктор не разрешает маме его к тебе пропускать. Он тебе еще книжку принес. Там она, на столе. Говорит: «Может, почитает когда». Он, что ли, твой друг?

Друг? Шелепин не ответил дочери, не заметил, как она, постояв, убежала. Нет, Ломтев не был ему другом.

Нового парторга встретили на заводе недоверчиво. Ломтев любил театр и музыку, следил за своей внешностью, был начитан, красив и молод, и в среде «технарей» это вызвало к нему чувство предубеждения. «Ему бы в артисты пойти, а не инженером быть. Какой из него парторг? Будет только девичьи сердца смущать»,— решили многие. Примерно так же думал и он, Шелепин, посчитав, что проку от нового секретаря ждать нечего. И первое время Ломтев как бы подтвердил это мнение. Целыми днями пропадал где-то, на совещаниях помалкивал, ничего не предпринимал. В случае необходимости все шли к его заместителю, пережившему на своем посту уже двух парторгов. Прошло больше месяца. Однажды в конце рабочего дня Ломтев вошел в директорский кабинет, устроился в кресле, озадачил вопросом:

— Ты куда обедать ходишь? Домой? — помолчал, оглядел кабинет, задерживая взгляд на каждом предмете, словно вещи могли ему что-то рассказать, потом точно так же оглядел и его, Шелепина.— Надо бы как-нибудь и в столовую зайти,— он положил тонкие белые руки на стол и так сжал их, что они стали еще белее.— Я тебе уроки политграмоты не собираюсь преподавать, сам большой. Только так нельзя. Любишь ты свое дело, болеешь за него, а людей за ним не видишь.

Содержание

Ворончиха	3
Выздоровление	17
Ветка багульника	40
В семье	61
В гостях	73
Дождливый ноябрь	95
Банальный случай	118
Жена	133
Проездом	147
В больнице	165
Черная ромашка	182
Заря вечерняя	197
Чашка с кленовыми листьями	217
Ночное дежурство	233

Белоглазова Раиса Васильевна

ВСТРЕЧА В ПУТИ

Рассказы

Редактор Л. Кулешова

Художник К. Авдеев

Художественный редактор Е. Прохоров

Технический редактор В. Юрченко

Корректоры М. Чвялева, Т. Стельмах

ИБ № 1551

Сдано в набор 22.10.79. Подписано к печати 22.04.80. А09078.
Формат 84×108/32. Гарнитура литературная. Печать высокая.
Бумага тип. № 1. Усл. печ. л. 12,6. Уч.-изд. л. 12,74. Тираж
50 000 экз. Заказ № 474. Цена 1 р. 10 к.

Издательство «Современник» Государственного комитета РСФСР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Союза
писателей РСФСР

121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4

Набрано в типографии им. Смирнова Смоленского облуправления
издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Смоленск,
пр. им. Ю. Гагарина, 2

Отпечатано с матриц на Книжной фабрике № 1 Росглавполиграфпрома
Государственного комитета РСФСР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли, г. Электросталь Московской
области, ул. им. Тевосяна, 25